
РОССИЯ КАК РЕАЛЬНОСТЬ

Политические основания государственной поддержки некоммерческого сектора: анализ распределения президентских грантов в России^{1,2}

В.Д. БЕДЕРСОН*, А.В. СЕМЕНОВ**

***Всеволод Дмитриевич Бедерсон** – кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Адрес: 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15. E-mail: vsbederson@gmail.com
****Андрей Владимирович Семенов** – кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр сравнительных исторических и политических исследований, доцент кафедры политических наук, Пермский государственный национальный исследовательский университет. Адрес: 614990, Пермь, ул. Букирева, д. 15. E-mail: andre.semenoff@gmail.com

Цитирование: Бедерсон В.Д., Семенов А.В. (2020) Политические основания государственной поддержки некоммерческого сектора: анализ распределения президентских грантов в России // Мир России. Т. 29. № 3. С. 96–120. DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-96-120

В статье анализируется проблема заинтересованности авторитарного режима в покупке лояльности организаций гражданского общества. Традиционно автократии и гражданские ассоциации рассматриваются как антагонисты, однако современные исследования и политическая практика демонстрируют более сложную и гибкую взаимосвязь. Современные автократии не только контролируют активность гражданских ассоциаций, но и используют их для укрепления собственной устойчивости. Мы используем данные о распределении президентских грантов среди некоммерческих организаций с правозащитной тематикой в 2017–2018 гг. в России и открытые данные о включенности представителей этих НКО в общественные и политические структуры: консультативно-совещательные органы, Общероссийский народный фронт и парламентские партии. Анализ показывает,

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-311-00075 «Социально ориентированные НКО и региональные органы власти России: модели эффективного взаимодействия для оказания социальных услуг населению». Авторы признательны Вячеславу Логинову и Ульяне Чадовой за помощь в сборе информации.

² Статья опубликована в рамках проекта НИУ ВШЭ по поддержке публикаций авторов российских образовательных и научных организаций «Университетское партнерство».

что существуют политические основания для финансового поощрения некоммерческих организаций. Опираясь на количественный анализ объемов выделенной финансовой помощи, мы демонстрируем, что наравне с опытом значимыми предикторами для получения большей суммы гранта является участие представителя НКО в деятельности Общероссийского народного фронта, а также в выборах от партий системной оппозиции. Участие в деятельности партии власти, напротив, не является фактором, гарантирующим получение большей суммы гранта.

Ключевые слова: гражданское общество, НКО, гражданские ассоциации, автократия, политический режим, кооптация

Введение

Идея гражданского общества как сферы свободной самоорганизации индивидов за пределами государства, восходящая к работам А. Фергюсона и А. де Токвиля, обычно рассматривается применительно к процессам демократизации: в своих работах Р. Патнем и коллеги [*Putnam, Leonardi, Nanetti* 1994], Дж. Коэн и А. Арато [*Cohen, Arato* 1994], Дж. Кин [*Keane* 1988] и другие отталкивались от представления о том, что свобода ассоциаций играла ключевую роль в переходе к демократии. В литературе отмечается, что взаимодействие гражданских ассоциаций и государства вне зависимости от типа политического режима носит динамический характер и может иметь широкую вариацию форм [*Coston* 1998; *Najam* 2000]. Однако если понимание отношений гражданских ассоциаций и режима в демократиях продвинулось достаточно далеко, то представления об этих отношениях в контексте автократий противоречивы.

Авторитарные режимы зачастую считаются нетерпимыми к любым проявлениям гражданского общества. Однако современные исследования демонстрируют гибкость автократий, их способность адаптировать демократические институты для обеспечения стабильности и выживания. В этом современные авторитарные режимы полагаются на выборы [*Magaloni* 2006], парламенты [*Ласт-Окар* 2017], политические партии и многопартийность [*Geddes* 2005], бюрократию [*Егоров, Сонин* 2008] не в меньшей степени, чем на принуждение и репрессии. Использование формальных демократических институтов позволяет кооптировать недобровольных, лучше отслеживать политические настроения в обществе, а также обеспечивать выполнение обязательств внутри элитных групп, равно как и предотвращать внутриэлитные расколы [*Boix, Svobik* 2013; *Geddes* 1995; *Gandhi, Przeworski* 2006].

В этой перспективе использование авторитарными режимами гражданских ассоциаций представляется важным теоретическим и эмпирическим вопросом. С одной стороны, автократии отличаются наличием серьезных ограничений для гражданской самоорганизации: независимые ассоциации являются источником постоянной критики режима и нередко становятся основой для формирования оппозиционных коалиций. С другой стороны, некоторая степень терпимости к организациям гражданского общества необходима современным автократиям для поддержания демократического имиджа, сбора дополнительной информации о массовых политических настроениях, а также для выполнения отдельных

социальных функций. Россия периода президентства В.В. Путина является яркой иллюстрацией данной дилеммы: с одной стороны, с 2006 г. мы наблюдаем политику ужесточения регулирования деятельности независимых гражданских ассоциаций, с другой, интенсивно и в больших объемах распределяются государственные средства на поддержку некоммерческих организаций [Семенов, Бедерсон 2017; Skokova, Pape, Krasnopolskaya 2018].

В этой статье мы проверяем гипотезу о том, что авторитарный режим заинтересован в покупке лояльности организаций гражданского общества. Используя данные о распределении в 2017–2018 гг. президентских грантов среди НКО с правозащитной тематикой, а также информацию о степени включенности представителей этих организаций в общественные и политические структуры, близкие к государству, мы анализируем ассоциацию между этими двумя показателями и приходим к выводу, что наблюдаются политические мотивы финансового поощрения НКО, но профессионализм также является положительным фактором для получения большей суммы гранта.

Гражданские ассоциации в авторитарных режимах

Зачем автократиям независимые гражданские ассоциации? Аргументы, выдвигаемые в литературе по этому вопросу, относят гражданское общество и гражданские ассоциации к механизмам формирования устойчивости авторитарного порядка, его легитимации. Как в случае с многопартийностью или legislatures, современные авторитарные режимы используют целый спектр инструментов – от поощрения до давления на организации гражданского общества с целью повышения собственной политической выживаемости [Gerschewski 2013; Lewis 2013; Skokova, Pape, Krasnopolskaya 2018; Wischermann, Bunk, Köllner, Lorch 2018]. Механизмы обеспечения устойчивости авторитарного порядка с помощью гражданских ассоциаций мы можем систематизировать следующим образом.

Во-первых, селективная поддержка гражданского общества используется для внешней легитимации режима. На примере Алжира Ж. Лорк и Б. Бунк показали, что Министерство внутренних дел осознанно не ликвидирует НКО, которые уже давно не ведут активную деятельность с целью демонстрации разнообразия ассоциаций в стране [Lorch, Bunk 2016]. Кроме этого, проявление поддержки режимом гражданского общества может выступать источником внешних ресурсов: через третий сектор авторитарные режимы получают иностранные средства на модернизацию отдельных социальных отраслей, которые они не могли бы получить напрямую от международных доноров [Lewis 2013; Heydemann, Leenders 2013].

Во-вторых, гражданские ассоциации могут использоваться автократиями в качестве механизма обратной связи между гражданами и властью. Например, алжирский режим использует консультационные органы с участием представителей гражданского общества в качестве средства сбора жалоб граждан и адаптации режима к ним [Lorch, Bunk 2016].

В-третьих, автократии используют гражданские ассоциации для выполнения своих социальных обязательств. Исследовательница К. Су в статье, посвященной взаимоотношениям НКО и государства в Китае, отмечает, что с конца 1980-х

и в течение 1990-х гг., особенно после событий на площади Тяньаньмэнь, НКО сыграли значительную роль в продвижении государственных реформ в сфере образования, борьбы с бедностью, защиты окружающей среды [Hsu 2010]. Как пишет С. Кавакиби в исследовании НКО в Сирии, режим готов разделять с НКО проведение реформ или оказание социальных услуг еще и потому, что администрирование социальных реформ через НКО снижает политические риски для режима от сопряженных с реформами издержек, а также способствует вовлечению в авторитарный порядок новых социальных групп [Kawakibi 2013].

В-четвертых, организации гражданского общества могут использоваться для мониторинга и управления социально-политическими процессами. Исследования показывают, что авторитарные режимы применяют организационные навыки, включенность в «поле» и хорошую репутацию среди населения гражданских ассоциаций для управления протестными настроениями и обеспечения ограниченного гражданского участия. Дж. Рихтер и В. Хэч на примере отношения власти к гражданским ассоциациям в России и Китае в 2000-е гг. показали, что локальные НКО и общественные советы выступают как организационные инструменты массового мониторинга населения [Richter, Hatch 2013]. В. Хуанг отмечает, что профильные органы власти в Китае собирают данные с НКО о положении дел среди населения, чтобы вовремя выстроить контроль над возникающим протестом или погасить его [Huang 2018].

В-пятых, организационные навыки НКО могут использоваться в политической борьбе с оппозицией. А. Тарасенко и М. Кулмала показали на примере ветеранских организаций Санкт-Петербурга и Карелии, что организационная структура, активность руководителей организации являются тем ресурсом, который интересен партии власти или отдельным депутатам legislatures, поскольку эти НКО помогают мобилизации целевого электората в обмен на финансирование или иные формы поддержки [Тарасенко, Кулмала 2015]. С. Гирсдорф и А. Круассант в исследовании гражданского общества в условиях соревновательного авторитаризма в Малайзии отмечают, что если инкубент в состоянии организовать для себя поддержку со стороны ассоциаций, то такие НКО могут быть хорошей организационной структурой для агитации и/или привлечения голосов клиентельных избирателей. Они также демонстрируют, что иногда это работает и в обратную сторону, когда НКО могут входить в коалиции с оппозицией. Для удержания власти инкубенту важно не дать оппозиции заполучить организационную сеть и репутацию, которой обладают НКО [Giersdorf, Croissant 2011].

Наконец, авторитарные режимы заинтересованы в том, чтобы нейтрализовать потенциально опасные в политическом плане гражданские ассоциации, включив их в своих общественно-политические структуры. В научной литературе такую стратегию поведения автократий принято называть кооптацией [Gandi, Przeworski 2006; Gerschewski 2013], т.е. превентивным предотвращением конфликтов методом привлечения реальных и потенциальных противников в структуры, поддерживающие режим. Исследователи отмечают, что авторитарный режим охотно привлекает независимые НКО к консультированию или экспертизе своих законопроектов/реформ, тем самым предоставляя площадку для реализации активности этих НКО и одновременно контролируя их [Wischermann, Bunk, Köllner, Lorch 2018]. Дж. Доил показала, как выстроена система кооптации женских НКО в современной Турции: режим гибко реагирует на появление новых политических оппонентов и старается кооптировать те НКО, которые наиболее близки к политизации и/или поддержке оппозиции [Doyle 2017].

Таблица 1. Механизмы формирования устойчивости авторитарного порядка (легитимации) через воздействие на гражданские ассоциации

Механизмы, направленные на внешних акторов	Механизмы, направленные на население/избирателей	Механизмы, направленные на общественно-политических акторов
Фасад демократии	Обратная связь	Управление протестными настроениями и ограниченное участие
Источник внешних ресурсов	Выполнение социальных обязательств	Использование в политической борьбе (нейтрализация оппозиции)
		Включение в структуры авторитарного порядка (кооптация и нейтрализация независимых ассоциаций)

Таблица 1 обобщает рассмотренные механизмы, лежащие в основе заинтересованности авторитарных режимов в поддержании активности гражданских ассоциаций. Они призваны осуществлять гибкое воздействие автократии на гражданское общество, и применительно к каждому из них в реальности обнаруживаются одновременно и практики давления/принуждения, и практики покупки лояльности. Такая гибкость в сочетании практик обеспечивает большую устойчивость и выживаемость современных авторитарных режимов. Тестирование каждого из этих механизмов требует отдельных исследований, ниже мы сконцентрируемся на механизме покупки лояльности гражданских ассоциаций режимом в политически чувствительный для него период выборов главы государства.

Российский электоральный авторитаризм и гражданские ассоциации

Современную Россию есть основания относить к государству с недемократическим политическим режимом: Х. Чибаб с коллегами причисляет Россию к «гражданским диктатурам» [Cheibub, Gandhi, Vreeland 2010], Б. Геддес с соавторами классифицирует как пероналистскую автократию с 1994 г. [Geddes, Wright, Frantz 2014], а в типологии М. Вахмана и других Россия является автократией с ограниченной многопартийностью [Wahman, Teorell, Hadenius 2013]. Согласно Ч. Бойшу и коллегам, Россия может быть признана демократией только в 1999–2000 гг. [Boix, Miller, Rosato 2012]. В композитном индексе *Polity IV* [Polity IV Annual Time-Series 2018] Россия фигурирует как «анократия» – полития с сочетанием характеристик демократического и авторитарного режимов. Согласно рейтингам *Freedom House*, с начала 2000-х гг. состояние прав и свобод в России находится на уровне недемократических режимов [Freedom in the World 2019]. Дискуссии о преимуществах и недостатках режимных классификаций выходят за рамки этой статьи, здесь мы оперируем понятием «электоральный авторитаризм» [Schedler 2013], которое определяется как режим, в котором существуют выборы, но оппозиция имеет небольшие шансы на победу в силу манипуляции инкумбентами избирательным процессом. Другими словами, электоральный авторитаризм полагается на выбо-

ры как механизм легитимации власти, но использует многочисленные нарушения в связности избирательного процесса для достижения необходимых результатов [Schedler 2002]. Начиная с 2003 г. с высокой долей уверенности к этой категории можно отнести и российский режим [Голосов 2008; Росс 2008; Веревкин 2011; Карандашова 2018; Gel'man 2014; White, McAllister 2014]. Одно из новейших исследований современных недемократических режимов [Guriev, Treisman 2019] вводит в научную дискуссию новый концепт «информационных автократий», к которым причисляется и Россия периода правления В.В. Путина. С. Гуриев и Д. Трейсмэн однозначно относят Россию к авторитарным режимам, несмотря на ее квалификацию как «анократию» в рейтинге *Polity IV* [Guriev, Treisman 2019].

После прихода к власти В.В. Путина регулирование некоммерческого сектора и гражданских ассоциаций существенно изменилось: от сравнительно свободного регулирования государство перешло к лицензированию гражданского общества [Robertson 2010]. Законодательные изменения 2006 и 2012 гг. привели к сокращению количества НКО в стране, а также падению объемов финансирования со стороны иностранных доноров, существенно повысили административные и другие издержки [Доклад Общественной палаты 2014; Вандышева 2014; Gilbert 2016; Flikke 2016]. Ужесточение контроля над независимыми гражданскими ассоциациями было вызвано как внешними причинами («цветными революциями» на постсоветском пространстве), так и усиливающейся критикой режима со стороны самих НКО. В то же время государство запустило целый ряд программ по финансированию деятельности организаций третьего сектора, в числе которых были президентские гранты.

Официально президентские гранты представляют собой государственную поддержку «некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» [Распоряжение Президента РФ от 5 апреля 2016] и распределяются на основании распоряжения Президента РФ³. Объемы выделяемых средств на данную программу выросли с 1 млрд руб. в 2011 г. до 8 млрд руб. в 2018 г. (рисунки 1).

Заявки на получение финансирования своего проекта могут подавать любые российские НКО (за исключением политических партий и некоторых других организаций: адвокатских объединений, учреждений и объединений работодателей), которые официально зарегистрированы не позднее чем за один год до дня окончания приема заявок на конкурс (не позднее 6 месяцев для НКО, запрашивающих финансирование до 500 тыс. руб.). Верхняя и нижняя границы финансирования, которое может запросить НКО, не определены. Софинансирование предлагаемого проекта со стороны самой НКО также не является обязательным требованием, но НКО, предложившая софинансирование, может получить дополнительные очки. Оценка заявок состоит из трех этапов: (1) формальный, где заявка оценивается аппаратом Фонда-оператора на предмет соответствия формальным требованиям и законодательству РФ; (2) экспертный, где анонимные эксперты конкурса оценивают заявки

³ С 2017 г. администратором конкурса среди НКО на получение президентских грантов является единый Фонд-оператор президентских грантов по развитию гражданского общества, а до 2017 г. президентские гранты администрировались несколькими крупными общероссийскими НКО (Лига здоровья нации, Союз пенсионеров России, Союз женщин России, Национальный благотворительный фонд и др.).

с содержательной стороны (состав экспертов конкурса не разглашается); (3) Координационный комитет по проведению конкурсов, возглавляемый С.В. Кириенко, который принимает итоговые решения по заявкам и суммам грантов. Заявки, допущенные до экспертизы, оцениваются экспертами по критериям по шкале от 0 до 10 баллов [Как проходит экспертиза 2018]. Процедура рецензирования заявок совмещает в себе черты слепого и неслепого рецензирования. Научная литература по рецензированию в академической сфере и сама устоявшаяся практика отмечают достоинства двойного слепого отбора материала как реализацию меритократических принципов и минимизацию неформальных отношений, снижение информационной асимметрии [Мертон 1993; Губа 2013; Трубникова 2017]. В процедуре конкурса заявок Фонда президентских грантов чистота двойного слепого рецензирования нивелируется на последней стадии, когда на уровне Координационного комитета принимаются решения в отношении конкретных заявок. Таким образом, мы допускаем, что на этом этапе помимо меритократических принципов могут играть роль внутренние неполитические факторы – неформальные связи, встроенность в определенные сети, полнота информации. Ввиду сложной доступности данных для проверки значимости этих факторов далее будут рассматриваться политические факторы.

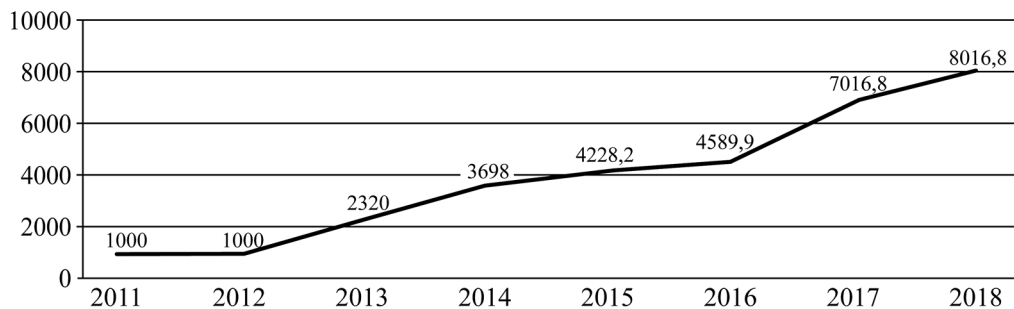


Рисунок 1. Динамика государственного финансирования некоммерческих организаций в России, млн руб., 2011–2018 гг.

Источник: Распоряжения Президента РФ // <http://www.kremlin.ru>

Оценки качества государственного финансирования гражданского общества через президентские гранты варьируются от положительно оценивающих эту политику как существенный шаг в развитии некоммерческого сектора [Бурно развивающийся сектор 2017] до тех, которые обращают внимание на «поощрение лояльности вместо развития гражданского общества» [Президентские гранты НКО 2016; Винокуров 2013; Коваль, Иволга, Ильиных 2016].

Мы полагаем, что существенный рост государственного финансирования НКО в 2017 и 2018 гг. связан с тем, что на это время приходится предвыборный и выборный период президентской кампании. Есть основания считать, что режим особенно заинтересован во взаимодействии и контроле над гражданскими ассоциациями в такие политически чувствительные периоды, как национальные выборы.

В российском случае мы наблюдаем повышение активности режима по финансированию ассоциаций в период президентских выборов, возможно, для стимулирования их лояльности, контроля над ними и/или обеспечения поддержки или невмешательства в выборный процесс.

Теоретическая модель, гипотезы и операционализация переменных

Исследование характера выделения средств в рамках президентских грантов может помочь в понимании степени внимания режима к деятельности отдельных организаций и секторов. Наша модель предполагает, что авторитарные режимы заинтересованы не только в контроле над партиями и парламентами, но также и в стимулировании лояльности и включении (кооптации) организаций гражданского общества в государственные и окологосударственные общественно-политические структуры. Последние охватывают различные консультативно-совещательные советы, институты, выражающие персональную лояльность президенту, а также непартийные политические организации.

Участие представителей НКО в подобных институтах само по себе не может быть индикатором кооптированности гражданских ассоциаций в авторитарный политический порядок, поскольку представляет собой один из институциональных механизмов обратной связи и в электоральных демократиях. Однако наличие/отсутствие ассоциации между степенью и характером включенности НКО в общественно-политические структуры, с одной стороны, и объемом получаемых ресурсов от государства, с другой, может указывать на стимулирование лояльности со стороны режима. Также следует отметить, что участие представителей НКО в такого рода структурах – это площадка для персонального взаимодействия с представителями режима, что может быть показателем благонадежности самой НКО как для власти, так и для экспертов, оценивающих способность организации справиться с заявленным проектом.

В профильной литературе участие НКО в консультативно-совещательных органах (КСО) обычно принимается в качестве неделимого индикатора включенности НКО в структуры авторитарного порядка, однако мы полагаем, что применительно к российской реальности более корректно разделить совокупность КСО на политические, участие в которых связано с выражением лояльности и поддержки режиму, и экспертные, членство в которых для гражданских ассоциаций означает преследование их собственных целей деятельности, участие в выработке политического курса, решение социальных проблем целевых групп [Сулимов 2018]. Это разделение должно позволить нам дифференцировать НКО по качеству участия в таких органах как ориентированные на выражение лояльности либо на экспертизу принимаемых решений или политического курса.

Как показывают исследования, в частности, по Турции [Doyle 2017], Малайзии [Giersdorf, Croissant 2011], России [Тарасенко, Кулмала 2015], партия власти в автократиях также может служить механизмом включения гражданских ассоциаций в структуру авторитарного порядка через создание специальных институций при партии как в Турции или через выстраивание клиентельных отношений с це-

левыми аудиториями НКО как в случае Малайзии и России. Помимо этого, важно отметить, что гибкость авторитарного режима заключается не только в том, какую часть оппонентов или колеблющихся он включает в свой порядок через партию власти, но и в том, что партии системной оппозиции также могут являться механизмом кооптации независимых политиков и активистов [Reuter, Robertson 2015]. Поэтому мы включаем в наш анализ участие представителей НКО в руководящих органах партии «Единая Россия», а также в праймериз партии власти, в выборах от других парламентских партий, а чтобы исключить гипотезу об ассоциации политической деятельности как таковой с объемом выделенных средств, мы используем данные об участии руководителя НКО в выборах от непарламентских партий или в качестве самовыдвиженцев.

Таким образом, наша основная гипотеза заключается в том, что включенность руководителей НКО в работу политических советов и структур, организованных властью, должно быть ассоциировано с получением большего объема финансирования в рамках государственных программ финансовой помощи НКО. Такая же ассоциация должна наблюдаться между включенностью в работу системных партий и партии власти. Кроме того, мы ожидаем, что эта включенность должна гарантировать меньшую разницу между запрашиваемым и полученными объемами финансовых средств.

Наши данные – результаты трех конкурсов президентских грантов за 2017-й и первую половину 2018 г. (два конкурса в 2017-м и один в 2018 г.) – представляют собой информацию о всех организациях и их проектах, которые заявлялись на конкурс в указанный период: регистрационный номер проекта, название НКО, запрашиваемая сумма, сумма софинансирования, выделенная сумма проекта, а также тематическое направление конкурса. Данные содержат информацию о 23571 заявке⁴. В связи с большим объемом данных и невозможностью автоматизировать процесс сбора информации о независимых переменных в отношении каждой НКО, мы не принимаем для анализа всю совокупность. Следует оговориться, что это потенциально может накладывать отпечаток на результаты, если следовать логике, что режим дискретизирует гражданские ассоциации по принципу финансирования: одним дает, другим – нет. Для исследования из общего массива данных мы выбрали субпопуляцию тех НКО, которые стали победителями в конкурсном направлении «защита прав и свобод человека и гражданина, в том числе защита прав заключенных». Правозащитные организации или те организации, которые планируют реализовывать правозащитный проект, находятся на особом контроле со стороны государственных ведомств ввиду чувствительности проблемы прав человека для авторитарного режима, российского в частности [Dupuy, Ron, Prakash 2015; Gilbert 2016; Skokova, Pape, Krasnopolskaya 2018; Семенов, Бедерсон 2017]. Мы полагаем, что ожидаемая связь лучше всего проявляется на данной выборке (189 заявок).

Зависимая переменная нами измеряется через размер гранта, который получает НКО (в рублях). Вариация по данной переменной значительна: разброс составляет от 181 тыс. до почти 17,5 млн руб. с медианным значением в 1,636 млн руб. В связи с сильным смещением в распределении мы использовали центриро-

⁴ Наблюдение – организация-проект, потому что организация может заявляться на несколько проектных направлений и в каждом конкурсе.

важное значение натурального логарифма данной переменной во всех моделях. Под финансовым поощрением здесь и далее в статистическом анализе мы понимаем большую сумму, получаемую НКО по гранту. В нашей основной логике НКО, включенные в политические КСО, будут получать гранты больших размеров по сравнению с невключенными в такие структуры. Мы также использовали другой вариант операционализации зависимой переменной – разницу между запрашиваемым и полученным объемом грантовых средств.

Таким образом, проявление политической лояльности в исследовании операционализируются через участие НКО в следующих общественно-политических институтах:

1. Политические КСО при органах власти (общественные палаты всех уровней, а также КСО при персонифицированном институте (президент, губернатор, глава города). Мы маркируем эти институты в качестве политических КСО по следующим причинам: формально они создаются для выполнения консультативно-совещательных функций, имитационный характер их деятельности делает участие НКО в них политическим: выражение позиции, проявление лояльности и поддержки режима как такового или отдельных его персоналий. Мы полагаем, что участие представителя НКО⁵ в деятельности политического КСО – это индикатор политической лояльности.
2. Общероссийский народный фронт, который выполняет функцию расширения социальной и политической базы поддержки режима. Участие в ОНФ нами фиксируется в том случае, если представитель НКО является членом или экспертом ОНФ, или же сама НКО как юридическое лицо входит в ОНФ.
3. Участие представителя НКО в экспертном КСО (при органах исполнительной или законодательной власти любого уровня) мы рассматриваем в качестве альтернативного объяснения: если распределение президентских грантов мотивировано не только или не столько политической лояльностью грантополучателей, то объем финансирования может объясняться реальным участием НКО в выработке политического курса, экспертизой законопроектов и иных нормативных инициатив.
4. Проявление политической лояльности со стороны НКО и включенность в структуры авторитарного порядка через взаимодействие с партией власти или системной оппозицией операционализируется следующим образом:
 - участие представителя НКО в органах управления партии власти на любом территориальном уровне;
 - участие представителя НКО в процедуре предварительного голосования «Единой России» в 2012–2017 гг.;
 - участие представителя НКО в выборах, будучи выдвинутым от партии «Единая Россия» в 2012–2017 гг.;
 - участие представителя НКО в выборах, будучи выдвинутым от любой другой парламентской партии: КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия».

⁵ Здесь и далее, где мы говорим об участии представителя НКО в каком-либо органе или институции, мы имеем в виду участие руководителя НКО (директора, председателя и др.) и/или тех персон, которые состоят в органах управления НКО (заместители руководителя, члены правления и др.). Мы не учитываем участие в различных институтах рядовых сотрудников НКО, но обращаем внимание на тех, кто формально имеет возможность влияния на политику организации.

Таблица 2. Источники данных по переменным

Название переменной	Тип переменной	Источник данных
Сумма гранта (log)	Интервальная	Сайт Фонда-оператора президентских грантов, расчеты авторов
Руководитель	Номинативная	Сайт НКО или иные открытые данные
Представители управляющего органа НКО	Номинативная	Сайт НКО или иные открытые данные
Участие в «политических» КСО	Биномиальная	Сайт НКО, сайт КСО или иные открытые данные
Участие в экспертных КСО	Биномиальная	Сайт НКО, сайт КСО или иные открытые данные
Участие в ОНФ	Биномиальная	Сайт НКО, сайт ОНФ (в том числе региональные) или иные открытые данные
Участие в органах управления партии «Единая Россия»	Биномиальная	Сайт НКО, сайт «Единой России» (в том числе региональные) или иные открытые данные
Участие в предварительном голосовании партии «Единая Россия» (2012–2017 гг.)	Биномиальная	Сайт НКО, сайт «Единой России» (в том числе региональные) или иные открытые данные
Участие в выборах от партии «Единая Россия» (2012–2017 гг.)	Биномиальная	Поиск в системе «Российская энциклопедия кандидатов», также сайт НКО, сайт «Единой России» (в том числе региональные) или иные открытые данные
Участие в выборах от партий КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия» (2012–2017 гг.)	Биномиальная	Поиск в системе «Российская энциклопедия кандидатов», также сайт НКО, сайты партий (в том числе региональные) или иные открытые данные
Участие в выборах от любых других зарегистрированных непарламентских партий (2012–2017 гг.)	Биномиальная	Поиск в системе «Российская энциклопедия кандидатов», также сайт НКО, сайты партий (в том числе региональные) или иные открытые данные
Участие в выборах в качестве самовыдвиженцев (2012–2017 гг.)	Биномиальная	Поиск в системе «Российская энциклопедия кандидатов», также сайт НКО или иные открытые данные

Таблица 3. Доля представительства руководителей правозащитных НКО – получателей президентских грантов в политических и экспертных структурах

Переменная	N	Доля в выборке
Участие в политическом КСО	189	0,397
Участие в экспертном КСО	189	0,476
Участие в ОНФ	189	0,079
Участие в органах управления «Единой России»	189	0,153
Участие в предварительном голосовании «Единой России»	189	0,112
Участие в выборах от «Единой России»	189	0,095
Участие в выборах от другой парламентской партии	189	0,053
Участие в выборах от другой непарламентской партии	189	0,101
Участие в выборах в качестве самовыдвиженца	189	0,079

Источник: подсчеты авторов.

Участие представителя НКО в выборах, будучи выдвинутым от любой другой непарламентской партии или в качестве самовыдвиженца⁶, мы рассматриваем как плацебо-тест: если получение грантов связано не с включением в правящие структуры, а в парламентскую деятельность как таковую, тогда эти переменные будут значимыми, а наша теория – опровергнута.

На основании теоретической рамки и операционализированных переменных сформулированы следующие гипотезы:

1. Участие представителя НКО в деятельности политического КСО будет связано с получением большей суммы гранта.
2. Участие представителя НКО в деятельности Общероссийского народного фронта будет связано с получением большей суммы гранта.
3. Участие представителя НКО в органах управления партии «Единая Россия» будет связано с получением большей суммы гранта.
4. Участие представителя НКО в процедуре предварительного голосования «Единой России» будет связано с получением большей суммы гранта.
5. Участие представителя НКО в выборах, будучи выдвинутым от партии «Единая Россия», будет связано с получением большей суммы гранта.
6. Участие представителя НКО в выборах, будучи выдвинутым от любой другой парламентской партии, будет связано с получением большей суммы гранта.

В *таблице 2* представлены переменные – их типы и источники данных.

Описательная статистика по представительству НКО продемонстрирована в *таблице 3*. Как мы видим, участие НКО в консультативно-совещательных органах – достаточно распространенное явление: около 50% НКО из рассматриваемой субпопуляции участвуют в экспертных КСО, а около 40% направляют своих представителей в политические КСО.

Мы также полагаем, что опыт и профессионализм НКО должны быть связаны с объемом получаемых средств, поэтому эта переменная должна быть использована в качестве контрольной. За неимением лучшего индикатора опыт и профессионализм НКО мы операционализируем через возраст организации: мы полагаем, что более «взрослые» НКО накопили больше опыта участия в конкурсах грантов, более подготовлены в составлении проекта, более компетентны и обеспечены кадрами для его реализации. Кроме этого, они пережили существенные законодательные и политические изменения и так или иначе смогли приспособиться к ним. В связи с сильно смещенным распределением, а также в целях более содержательного анализа (абсолютное количество лет существования менее показательно по сравнению с принадлежностью к определенным «поколениям» организаций) переменная «возраст» была дискретизирована на три группы:

- 1–5 лет: НКО, которые появились после 2012 г. в условиях действия закона «Об иностранных агентах»;
- 6–12 лет: НКО, которые появились после первых существенных ограничительных законодательных изменений в отношении НКО в 2006 г.;

⁶ При формулировании исследовательской модели мы делаем допущение о равноудаленности самовыдвиженцев от партийных структур. Однако выборный процесс в автократиях специфичен, и самовыдвижение может быть обусловлено политтехнологическими причинами и ситуативным спадом популярности партии власти в конкретных избирательных округах, что иллюстрируется выборами в Московскую городскую Думу летом – осенью 2019 г. Исключительный характер таких ситуаций, тем не менее, позволяет принять данное допущение как рабочее.

– 13 лет и старше: НКО, которые являются «ветеранами» некоммерческого сектора.

Возраст самой старшей организации в нашей выборке (Московской Хельсинкской группы) – 42 года, самым молодым – 1 год. Все три подгруппы оказались достаточно сбалансированными: по 53 организации в первых двух и 83 – в третьей.

Эмпирический анализ

Визуализация разницы в объемах выделенных грантовых средств между различными подгруппами участников представлена на *рисунке 2*. Она демонстрирует, что объем выделенных средств действительно варьируется в зависимости от степени включенности в государственные и окологосударственные структуры. Для КСО разница в средних вполне отличима, но больше всего она выражена для переменных «участие в ОНФ», «участие в предварительном голосовании ЕР» и «участие в выборах от ЕР», а также «участие в выборах от других парламентских партий».

Далее в исследовании мы используем анализ вариации и линейную регрессию для того, чтобы определить, насколько существенным является вклад группирующих предикторов в предсказанное значение зависимой переменной. Анализ вариации (ANOVA) позволяет выяснить, насколько значимо введение каждой из переменных в модель для объяснения вариации в объеме распределяемых средств (*таблица 4*, стр. 110).

F-статистика для трех группирующих переменных (участие в политических КСО и в ОНФ, а также в выборах от других парламентских партий) оказывается на уровне значимости $<0,05$, т.е. их наличие позволяет объяснить больший объем вариации по сравнению с нулевой моделью, что свидетельствует в пользу нашей теории. Однако наш анализ основывается не на случайной выборке, а на заданной субпопуляции наблюдений, потому что классическое тестирование значимости нулевой гипотезы не является подходящим методом. Для преодоления этой проблемы нами была использована байесовская линейная регрессия. В *таблице 5* (стр. 110) представлены две модели – базовая с включением трех основных предикторов нашей теории и расширенная⁷.

Результаты данного анализа в целом свидетельствуют в пользу нашей гипотезы. В базовой модели (1) включение в политические и экспертные советы, а также участие в деятельности ОНФ увеличивают объем выделяемых средств. Апостериорное распределение оценок коэффициентов позволяет заключить: существует 85% вероятности положительной связи между включением в экспертные КСО и объемом полученного гранта, 89% – вероятность связи между включением в политические советы и объемом выделенных средств, 97% – вероятность связи

⁷ Обработка модели осуществлялась с помощью пакета *gstanarm* в программной среде R с четырьмя независимыми цепями по 2000 итераций каждая. Основные результаты представлены для модели со слабо информативными априорными вероятностями значений коэффициентов. Диагностика обеих моделей показывает их сходимость, значения R-hat и эффективного числа выборок также указывают на отсутствие значимых проблем в конвергенции модели.

с включенностью в ОНФ. Иными словами, самым сильным и надежным предиктором объема выделенных средств в базовой модели оказывается участие в ОНФ: в среднем включенность в работу Фронта увеличивает предсказанное значение логарифма финансовых средств на 0,5 стандартных отклонения при контроле на другие переменные. Возрастная категория организации также имеет ожидаемое положительное значение: переход от базовой категории к более опытным в среднем увеличивает предсказанное значение логарифма грантовых средств на приблизительно 0,4 стандартного отклонения.

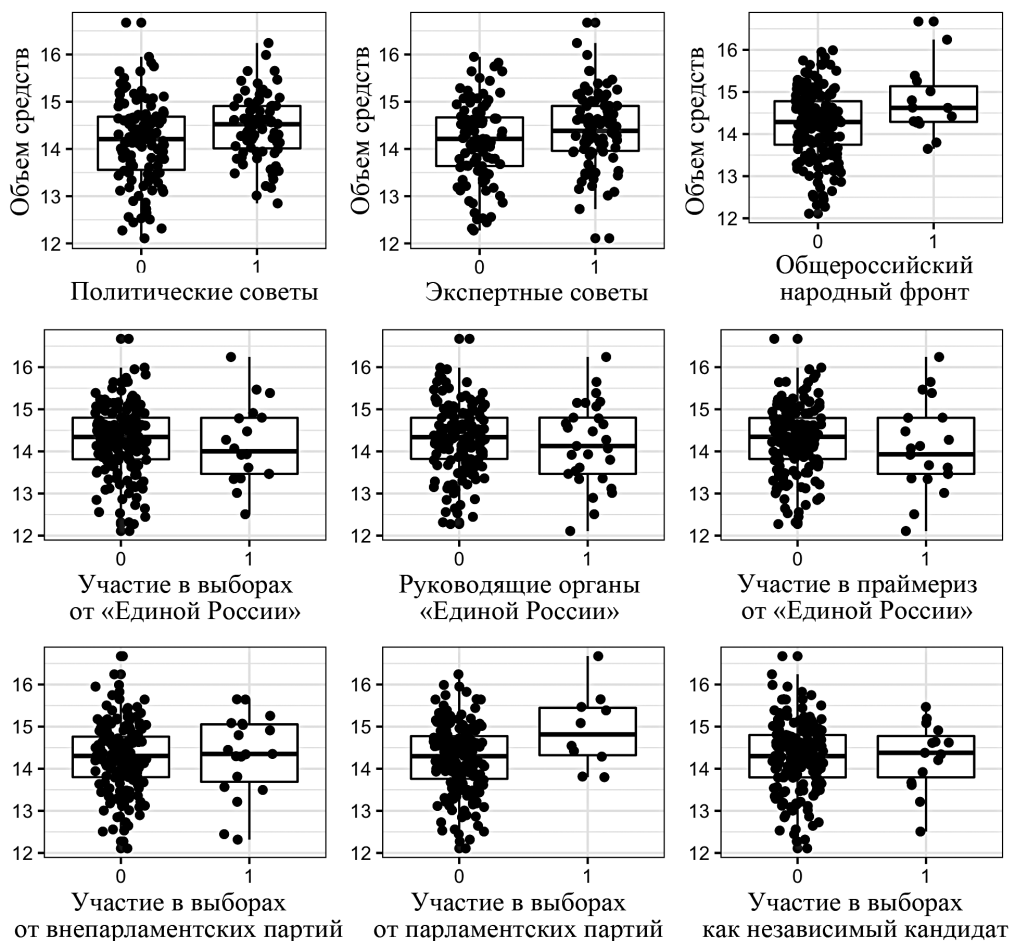


Рисунок 2. Распределения объемов полученного финансирования в зависимости от включенности НКО⁸

8 Сайт президентских грантов // <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/>; подсчеты авторов.

Таблица 4. Анализ вариации, зависимая переменная – логарифм объема выделенных средств

	Sum Sq	Mean Sq	F value	Pr(>F)
Участие в «политическом» КСО	5,72	5,72	6,17	0,01*
Участие в экспертном КСО	1,84	1,84	1,98	0,16
Участие в ОНФ	3,98	3,98	4,30	0,04*
Участие в органах управления «Единой России»	1,79	1,79	1,93	0,17
Участие в предварительном голосовании «Единой России»	1,20	1,20	1,30	0,26
Участие в выборах от «Единой России»	0,24	0,24	0,26	0,61
Участие в выборах от другой парламентской партии	3,83	3,83	4,13	0,04*
Участие в выборах от другой непарламентской партии	0,04	0,04	0,04	0,84
Участие в выборах в качестве самовыдвиженца	0,01	0,01	0,01	0,91
Опыт	5,39	2,69	2,91	0,06
Остатки	163,97	0,93		

Жирным шрифтом выделены переменные с уровнем значимости <0,05.

Таблица 5. Результаты регрессионного анализа методом наименьших квадратов (стандартные отклонения апостериорного распределения значения коэффициентов приведены в скобках)

Переменная	(1)	(2)	(3)	(4)
Участие в политическом КСО	0,176 (0,158)	0,148 (0,159)	-0,286 (0,141)	-0,271 (0,142)
Участие в ОНФ	0,511 (0,277)	0,363 (0,285)	0,049 (0,238)	0,187 (0,252)
Участие в экспертном КСО	0,128 (0,156)	0,156 (0,161)	0,084 (0,133)	0,080 (0,141)
Участие в органах управления «Единой России»		-0,196 (0,273)		0,087 (0,250)
Участие в предварительном голосовании «Единой России»		-0,460 (0,410)		0,414 (0,343)
Участие в выборах от «Единой России»		0,179 (0,414)		-0,499 (0,370)
Участие в выборах от другой парламентской партии		0,668 (0,330)		-0,318 (0,271)
Участие в выборах от другой непарламентской партии		0,043 (0,241)		-0,260 (0,212)
Участие в выборах в качестве самовыдвиженца		0,014 (0,279)		0,200 (0,252)
Возраст НКО 6–12 лет	0,393 (0,195)	0,433 (0,208)	-0,045 (0,178)	-0,101 (0,183)
Возраст НКО >12 лет	0,368 (0,179)	0,406 (0,185)	-0,219 (0,159)	-0,267 (0,163)
N	189	189	152	152
sigma	0,974	0,970	0,763	0,766
log-posterior	-271,56	-273,91	-183,00	-188,16

*Жирным шрифтом выделены коэффициенты, оценки которых в стандартной МНК-модели являются статистически значимыми на уровне <0,05.

Модель с включением дополнительных предикторов (2) не меняет основную картину. Участие в экспертных советах по-прежнему положительно и слабо связано с объемом полученных средств, положительные эффекты от участия в ОНФ и профессионального опыта выражены сильнее. Плацебо-тесты также соответствуют нашим ожиданиям: ассоциация участия в выборах от непарламентских партий или в качестве самовыдвиженцев с объемом грантовых средств практически нулевая. Однако в противоположность нашей теории представительство в руководящих органах/избирательных списках «Единой России» не является значимым предиктором для объема выделяемых средств. Более того, НКО, чьи руководители участвовали в предварительном голосовании партии власти, в среднем получили на 0,46 стандартного отклонения меньше финансирования (негативный эффект имеет вероятность 90%). Наконец, проявился эффект от участия в предвыборных списках других парламентских партий (КПРФ, СР и ЛДПР): с 95% вероятности такие НКО получили в среднем на 0,67 стандартных отклонения больше.

Модели (3–4), в которых в качестве зависимой переменной рассчитывалась разница между запрашиваемым и полученным объемами финансовых средств⁹, демонстрируют, что участие в политических советах и в выборах от парламентских партий имеют отрицательную связь: включенность в эти структуры ассоциировано с большим «урезанием» изначального бюджета. Это можно было бы интерпретировать общей логикой финансовой экономии, однако этот эффект мы наблюдаем именно для тех организаций, которые в нашей логике проявляют политическую лояльность. Таким образом, с одной стороны, лояльные НКО финансово поощряются большим объемом выделенных средств, но также получают меньше, чем запрашивают.

Анализ показывает, что участие в деятельности партии власти не дает прироста в получении денежных средств по программе президентских грантов НКО, заявляющим проекты по правозащитному направлению; более того, с достаточной долей уверенности можно говорить, что участие в предварительном голосовании «Единой России» связано с меньшим объемом полученных средств (отрицательная связь с участием в органах партии власти также наблюдается, но в отношении этой связи наблюдается очень высокая неопределенность). Со значительной долей уверенности также можно говорить о положительной ассоциации между участием представителя НКО в выборах от других парламентских партий и финансовым поощрением с помощью президентского гранта. Это дает основания полагать, что режим канализирует политическую активность независимых НКО и через партии системной оппозиции, тем самым, возможно, нейтрализуя риски от политизации общественников и перехода их симпатий к реальной оппозиции. Наконец, возраст НКО имеет сильную положительную связь с объемом получаемых средств, что может свидетельствовать о меритократических основаниях распределения грантов.

⁹ Эти модели были разработаны для 152 единиц наблюдений, поскольку 37 единиц из выборки исключены по причине того, что размер гранта, который эти организации получили, равняется сумме запрашиваемого объема и финансирования.

Выводы

Настоящее исследование ставило своей целью ответить на вопрос, поощряет ли финансово российский политический режим те НКО, которые включены в структуры авторитарного порядка. Проведенный анализ на основе данных о победителях конкурса президентских грантов в 2017–2018 гг. в правозащитной номинации не позволяет однозначно ответить на исследовательский вопрос. Мы установили, что имеет место слабая по силе и положительная по направлению связь между участием НКО в деятельности Общероссийского народного фронта и объемом получаемых средств. При этом результаты анализа показывают, что участие в деятельности партии власти не гарантирует выделения больших объемов финансовых средств. Положительная связь обнаруживается между суммой полученного НКО гранта и участием ее представителя в выборах от одной из парламентских партий.

Все это мы можем интерпретировать так: президентские гранты являются механизмом финансового поощрения за проявление политической лояльности лишь отчасти. Если же мы допускаем, что каналы ОНФ и партий системной оппозиции используются в качестве кооптационных, то, вероятно, это может говорить о том, что режим настроен на расширение своей базы лояльных, не концентрируясь только на партии власти или персональной лояльности президенту. При этом режим сохраняет баланс между политическим контролем над независимой активностью (желающие участвовать в политике общественники могут это делать через подконтрольные парламентские партии), с одной стороны, и оказанием социальных функций, с другой.

Наш анализ также демонстрирует, что президентские гранты распределяются не только по политическим мотивам, но также и на основании критерия профессионализма, который мы оценивали через опыт/возраст НКО. Чтобы получить больший, чем другие НКО, президентский грант, в современной России необходимо быть опытной (существующей не менее 6 лет) НКО или вступить в ОНФ, или участвовать в выборах любого уровня от парламентской оппозиции.

В заключение имеет смысл предложить варианты развития или трансформации исследовательской логики. В каком направлении и на каких других данных можно развивать данную исследовательскую программу?

Во-первых, возможно, следует исследовать этот вопрос не на данных о получателях грантов, а на всей совокупности, разделив НКО на получивших и не получивших грант. Возможно, финансовое поощрение заключается не в ранжировании преуспевших НКО по суммам грантов, а в финансировании одних НКО и нефинансировании других.

Во-вторых, возможно, выбранная для изучения субпопуляция правозащитных НКО не показательна; не исключено, что для режима более чувствительным является кооптация и «принуждение» к лояльности более массового подвида НКО, например, благотворительных или волонтерских, которые в большей степени вовлечены в работы с массами граждан и тем самым выполняют часть государственных социальных обязательств и могут быть организационной основой для оппозиции [Richter, Hatch 2013]. Таким образом, режим может быть больше заинтересован в кооптации нейтральных благотворителей, чем независимых правозащитников.

В-третьих, возможно, поощрение за проявление лояльности имеет место, но выражается не в финансовых инструментах в виде президентских грантов, а в

чем-то иным. Можно предположить, что это может быть система распределения должностей или поощрение иными активами.

В-четвертых, возможно, в нашей теоретической модели существует пробел, и на принципы распределения грантов может влиять организационная культура, принудительный изоморфизм со стороны государства или «ритуализированные мифы» [DiMaggio, Powell 1983; Мейер, Роуэн 2011]. Кроме того, в авторитарных условиях мы можем ожидать совпадение (конгруэнтность) организационно-властных моделей на разных уровнях [Eckstein 1980]: НКО, внутренне устроенные иерархично, будут конгруэнтны недемократическому государству, которое будет более склонно доверять таким организациям, чем горизонтальным и принимающим внутренние решения делиберативно.

В-пятых, возможно, в российском случае кооптация гражданского общества не играет большой роли. Для контроля независимой активности режиму достаточно механизма ограничительных законов и аппарата по их исполнению: наиболее несогласные и нелояльные прекратят деятельность, оставшиеся же самим этим фактом продемонстрируют лояльность, а их общественная деятельность будет использоваться в качестве дополнительной или замещающей государственные обязательства в части социальных услуг или социальной инфраструктуры. Данные направления могут стать основой для последующих исследований в области взаимодействия гражданских организаций и автократий.

Литература

- Бурно развивающийся сектор: Общественная палата оценила состояние гражданского общества (2017) // Агентство социальной информации. 12 декабря 2017 // <https://www.asi.org.ru/news/2017/12/12/obshhestvennaya-palata-otsenila-sostoyanie-grazhdanskogo-obshhestva>
- Вандышева Е.А. (2014) Стратегии НКО в связи с введением статуса «иностранный агент» // Публичная политика. № 2. С. 76–86.
- Веревкин А.И. (2011) Электоральный процесс в современной России: неопределенность vs «управляемость» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Политология. Международные отношения. № 4. С. 113–117.
- Винокуров А. (2013) Кто распределяет и получает президентские гранты? // Polit.ru. 1 февраля 2013 // <http://polit.ru/article/2013/02/01/grants/>
- Голосов Г. (2008) Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. № 12(1). С. 22–35.
- Губа К. (2013) Как устроены журнальные редакции: отбор рукописей в американской социологии // Laboratorium. № 3. С. 66–89.
- Доклад Общественной палаты РФ о состоянии гражданского общества в Российской Федерации (2014) // Московское бюро по правам человека // <http://pravorf.org/index.php/news/1388-o-doklade-obshhestvennoj-palaty-rf-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshhestva-v-rossijskoj-federaczii-za-2014-god>
- Егоров Г.В., Сонин К.И. (2008) Диктаторы и визири: экономическая теория лояльности и компетентности // Общественные науки и современность. № 2. С. 36–51.
- Как происходит экспертиза (2018) // Фонд президентских грантов // <https://xn--80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/expertise>
- Карандашова С. (2018) Российские особенности электорального авторитаризма: новые практики обеспечения победы инкумбентов на губернаторских выборах // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 1. С. 51–67.

- Коваль А.С., Иволга А.М., Ильиных И.И. (2014) Исследование информационной открытости системы распределения государственной поддержки НКО: 2011–2012 // Трансперенси Интернешнл-Р // http://nko67.ru/files/ngo_analisy_2014.pdf
- Ласт-Окар Э. (2016) Выборы в авторитарных режимах: уроки Иордании // Гилев А.В. (ред.) Патрон-клиентские отношения в истории и современности: хрестоматия. М.: РОССПЭН. С. 280–305.
- Мейер Д., Роуэн Б. (2011) Институционализированные организации: формальная структура как миф и церемониал // Экономическая социология. Т. 12. № 1. С. 43–67.
- Мертон Р. (1993) Эффект Матфея в науке, II: Накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // THESIS. № 3. С. 256–276.
- Президентские гранты НКО: Поощрение лояльности вместо развития гражданского общества (2016) // Центр экономических и политических реформ // http://cepr.ru/wp-content/uploads/2015/12/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8B-%D0%9D%D0%9A%D0%9E_%D0%9F%D0%BE%D0%BE%D1%89%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BB%D0%BE%D1%8F%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0.pdf
- Распоряжение Президента РФ от 5 апреля 2016 г. N 68-рп «Об обеспечении в 2016 году государственной поддержки некоммерческих неправительственных организаций, участвующих в развитии институтов гражданского общества, реализующих социально значимые проекты и проекты в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина» // Гарант // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71268672/>
- Росс К. (2008) Муниципальные выборы и электоральный авторитаризм в России // Политическая наука. № 3. С. 111–128.
- Семенов А.В., Бедерсон В.Д. (2017) Организационные реакции российских НКО на законодательные изменения 2012 г. // Экономическая социология. Т. 18. № 2. С. 11–41.
- Сулимов К. (2018) Системы консультативно-совещательных органов в современной России как институциональные условия со-управления: между унификацией и разнообразием // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. № 1. С. 5–23.
- Тарасенко А., Кулмала М. (2015) Ветеранские организации как заинтересованные группы: возможности и ограничения клиентелизма для защиты социальных прав в регионах России. Препринт М-42/15. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге // https://eu.spb.ru/images/IM_center/Tarasenko_Kulmala_working_paper_2015.pdf
- Трубникова Е.И. (2017) Асимметрия информации и тенденции рынка научных публикаций // Высшее образование в России. № 3(210). С. 26–36.
- Boix C., Miller M.K., Rosato S. (2012) A Complete Data Set of Political Regimes, 1800–2007 // Comparative Political Studies, vol. 46, no 12, pp. 1523–1554.
- Boix C., Svobik M.W. (2013) The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-sharing in Dictatorships // The Journal of Politics, vol. 75, no 2, pp. 300–316.
- Cheibub J.A., Gandhi J., Vreeland J.R. (2010) Democracy and Dictatorship Revisited // Public Choice, no 143, pp. 67–101.
- Cohen J.L., Arato A. (1994) Civil Society and Political Theory, MIT press.
- Coston J.M. (1998) A Model and Typology of Government-NGO Relationships // Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly, vol. 27, no 3, pp. 358–382.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields // American Sociological Review, vol. 48, no 2, pp. 147–160.
- Doyle J.L. (2018) Government Co-option of Civil Society: Exploring the AKP's Role within Turkish Women's CSOs // Democratization, vol. 25, no 3, pp. 445–463.
- Dupuy K.E., Ron J., Prakash A. (2015) Who Survived? Ethiopia's Regulatory Crackdown on Foreign-funded NGOs // Review of International Political Economy, vol. 22, no 2, pp. 419–456.

- Eckstein H. (1980) *The Natural History of Congruence Theory*, University of Denver.
- Flikke G. (2016) Resurgent Authoritarianism: The Case of Russia's New NGO Legislation // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 2, pp. 103–131.
- Freedom in the World (2019) // Freedom House // https://freedomhouse.org/sites/default/files/Feb2019_FH_FITW_2019_Report_ForWeb-compressed.pdf
- Gandhi J., Przeworski A. (2006) Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships // *Economics & Politics*, vol. 18, no 1, pp. 1–26.
- Geddes B. (2004) Minimum-winning Coalitions and Personalization in Authoritarian Regimes. Annual Meetings of the American Political Science Association // <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf>
- Geddes B. (2005) Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes? // <http://www.daniellazar.com/wp-content/uploads/authoritarian-elections.doc>
- Geddes B., Wright J., Frantz E. (2014) Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // *Perspectives on Politics*, vol. 12, no 2, pp. 313–331.
- Gel'man V. (2014) The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia // *Demokratizatsiya*, vol. 22, no 4, pp. 503–522.
- Gerschewski J. (2013) The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes // *Democratization*, vol. 20, no 1, pp. 13–38.
- Giersdorf S., Croissant A. (2011) Civil Society and Competitive Authoritarianism in Malaysia // *Journal of Civil Society*, vol. 7, no 1, pp. 1–21.
- Gilbert L. (2016) Crowding out Civil Society: State Management of Social Organisations in Putin's Russia // *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 9, pp. 1553–1578.
- Guriev S., Treisman D. (2019) Informational Autocrats // *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no 4, pp. 100–127.
- Heydemann S., Leenders R. (eds.) (2013) *Middle East Authoritarianisms: Governance, Contestation, and Regime Resilience in Syria and Iran*, Stanford University Press.
- Hsu C. (2010) Beyond Civil Society: An Organizational Perspective on State–NGO Relations in the People's Republic of China // *Journal of Civil Society*, vol. 6, no 3, pp. 259–277.
- Huang V.G. (2018) Floating Control: Examining Factors Affecting the Management of the Civil Society Sector in Authoritarian China // *Social Movement Studies*, vol. 17, no 4, pp. 1–15.
- Kawakibi S. (2013) The Paradox of Government-organized Civil Activism in Syria // *Civil Society in Syria and Iran: Activism in Authoritarian Contexts* (eds. Aarts P., Cavatorta F.), Boulder, CO: Lynne Rienner, pp. 169–187.
- Keane J. (1988) *Civil Society and the State: New European Perspectives*, Verso Books.
- Lewis D. (2013) Civil Society and the Authoritarian State: Cooperation, Contestation and Discourse // *Journal of Civil Society*, vol. 9, no 3, pp. 325–340.
- Lorch J., Bunk B. (2017) Using Civil Society as an Authoritarian Legitimation Strategy: Algeria and Mozambique in Comparative Perspective // *Democratization*, vol. 24, no 6, pp. 987–1005.
- Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Najam A. (2000) The Four C's of Government Third Sector-Government Relations // *Nonprofit Management and Leadership*, vol. 10, no 4, pp. 375–396.
- Polity IV Annual Time-Series, 1800–2018 (2018) // The Center for Systemic Peace // <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4v2018.xls>
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1994) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton University press.
- Reuter O.J., Robertson G.B. (2015) Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes // *The Journal of Politics*, vol. 77, no 1, pp. 235–248.
- Richter J., Hatch W.F. (2013) Organizing Civil Society in Russia and China: A Comparative Approach // *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 26, no 4, pp. 323–347.
- Robertson G.B. (2010) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia*, Cambridge University Press.
- Schedler A. (2002) Elections without Democracy: The Menu of Manipulation // *Journal of Democracy*, vol. 13, no 2, pp. 36–50.
- Schedler A. (2013) *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*, Oxford: Oxford University Press.

- Skokova Y., Pape U., Krasnopolskaya I. (2018) The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation // *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no 4, pp. 1–33.
- Wahman M., Teorell J., Hadenius A. (2013) Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective // *Contemporary Politics*, vol. 19, no 1, pp. 19–34.
- White S., McAllister I. (2014) Did Russia (Nearly) Have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism // *Politics*, vol. 34, no 1, pp. 72–84.
- Wischermann J., Bunk B., Köllner P., Lorch J. (2018) Do Associations Support Authoritarian Rule? Evidence from Algeria, Mozambique, and Vietnam // *Journal of Civil Society*, vol. 14, no 2, pp. 1–21.

The Political Foundations of State Support for the Nonprofit Sector: An Analysis of the Distribution of “Presidential Grants” in Russia

V. BEDERSON*, A. SEMENOV**

***Vsevolod Bederson** – PhD in Politics, Researcher, Center for Comparative History and Politics, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University. Address: 15, Bukireva St., Perm, 614990, Russian Federation. E-mail: vsbederson@gmail.com

****Andrei Semenov** – PhD in Politics, Researcher, Center for Comparative History and Politics, Associate Professor, Department of Political Science, Perm State University. Address: 15, Bukireva St., Perm, 614990, Russian Federation. E-mail: andre.semenoff@gmail.com

Citation: Bederson V., Semenov A. (2020) The Political Foundations of State Support for the Nonprofit Sector: An Analysis of the Distribution of “Presidential Grants” in Russia. *Mir Rossii*, vol. 29, no 3, pp. 96–120 (in Russian). DOI: 10.17323/1811-038X-2020-29-3-96-120

Abstract

This article addresses the issue of support for civil society organizations in an authoritarian regime. Autocracies and civic associations are traditionally viewed as antagonists as the former frequently suppress the activity of the latter. However, recent research demonstrates that these relationships are more complex, and that autocracies can use such institutions to legitimize and strengthen their political resilience: autocracies use NGOs as feedback mechanisms, for monitoring problem situations, monitoring mobilization, and divide the non-profit sector into loyal and disloyal. Using data on the distribution of the “presidential grants” among human rights NGOs in Russia in 2017–2018 and data on the inclusion of the representatives of these organizations in state-sponsored institutions (consultative bodies, the All-Russian People's Front, and parliamentary parties), we analyze the relationship between these two indicators and find evidence for political bias in providing financial help. In particular, we find that affiliation with the All-Russian People's Front (a Kremlin initiative) and systemic opposition both positively affect the likelihood of obtaining

a larger grant. Affiliation with the ruling party is not a factor in this regard. We conclude that the promotion of the political loyalty of NGOs via the redistribution of state financial help is a more subtle mechanism than might seem at first glance.

Key words: civil society, NGOs, civic associations, autocracy, political regime, co-optation

References

- Boix C., Miller M.K., Rosato S. (2012) A Complete Data Set of Political Regimes, 1800–2007. *Comparative Political Studies*, vol. 46, no 12, pp. 1523–1554.
- Boix C., Svoblik M.W. (2013) The Foundations of Limited Authoritarian Government: Institutions, Commitment, and Power-sharing in Dictatorships. *The Journal of Politics*, vol. 75, no 2, pp. 300–316.
- Burno razvivayushchij sya sektor: Obshchestvennaya palata otsenila sostoyanie grazhdanskogo obshchestva [A Booming Sector: the Public Chamber Assessed the State of Civil Society] (2017). *Social Information Agency*, December 12, 2017. Available at: <https://www.asi.org.ru/news/2017/12/12/obshchestvennaya-palata-otsenila-sostoyanie-grazhdanskogo-obshchestva/>, accessed 21.04.2020.
- Cheibub J.A., Gandhi J., Vreeland J.R. (2010) Democracy and Dictatorship Revisited. *Public Choice*, no 143, pp. 67–101.
- Cohen J.L., Arato A. (1994) *Civil Society and Political Theory*, MIT press.
- Coston J.M. (1998) A Model and Typology of Government-NGO Relationships. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*, vol. 27, no 3, pp. 358–382.
- Rasporyazhenie Prezidenta RF ot 5 aprelya 2016 g. N 68-rp «Ob obespechenii v 2016 godu gosudarsotvennoj podderzhki nekommercheskih nepravitel'stvennyh organizacij, uchastvuyushchih v razvitii institutov grazhdanskogo obshchestva, realizuyushchih social'no znachimye proekty i proekty v sfere zashchity prav i svobod cheloveka i grazhdanin» [Decree of the President of the Russian Federation of April 5, 2016 N 68-rp “On providing in 2016 State Support for Non-profit Non-governmental Organizations Participating in the Development of Civil Society Institutions that Implement Socially Significant Projects and Projects in the Field of Protecting the Rights and Freedoms of Man and Citizen”]. *Garant*. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71268672/>, accessed 21.04.2020.
- DiMaggio P.J., Powell W.W. (1983) The Iron Cage Revisited: Institutional Isomorphism and Collective Rationality in Organizational Fields. *American Sociological Review*, vol. 48, no 2, pp. 147–160.
- Doklad Obshchestvennoj palaty RF o sostoyanii grazhdanskogo obshchestva v Rossijskoj Federatsii [Report of the Public Chamber of the Russian Federation on the State of Civil Society in the Russian Federation] (2014). *Moscow Bureau for Human Rights*. Available at: <http://pravorf.org/index.php/news/1388-o-doklade-obshchestvennoj-palaty-rf-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshchestva-v-rossijskoj-federaczii-za-2014-god>, accessed 21.04.2020.
- Doyle J.L. (2018) Government Co-option of Civil Society: Exploring the AKP's Role within Turkish Women's CSOs. *Democratization*, vol. 25, no 3, pp. 445–463.
- Dupuy K.E., Ron J., Prakash A. (2015) Who Survived? Ethiopia's Regulatory Crackdown on Foreign-funded NGOs. *Review of International Political Economy*, vol. 22, no 2, pp. 419–456.
- Eckstein H. (1980) *The Natural History of Congruence Theory*, University of Denver.
- Egorov G.V., Sonin K.I. (2008) Diktatory i viziri: ekonomicheskaya teoriya loyal'nosti i kompetentnosti [Dictators and Viziers: The Economic Theory of Loyalty and Competence]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no 2, pp. 36–51.

- Flikke G. (2016) Resurgent Authoritarianism: The Case of Russia's New NGO Legislation. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 2, pp. 103–131.
- Freedom in the World (2019). *Freedom House*. Available at: https://freedomhouse.org/sites/default/files/Feb2019_FH_FITW_2019_Report_ForWeb-compressed.pdf, accessed 21.04.2020.
- Gandhi J., Przeworski A. (2006) Cooperation, Cooptation, and Rebellion under Dictatorships. *Economics & Politics*, vol. 18, no 1, pp. 1–26.
- Geddes B. (2004) *Minimum-winning Coalitions and Personalization in Authoritarian Regimes. Annual Meetings of the American Political Science Association*. Available at: <http://www.sscnet.ucla.edu/polisci/cpworkshop/papers/geddes.pdf>, accessed 21.04.2020.
- Geddes B. (2005) *Why Parties and Elections in Authoritarian Regimes?* Available at: <http://www.daniellazar.com/wp-content/uploads/authoritarian-elections.doc>, accessed 21.04.2020.
- Geddes B., Wright J., Frantz E. (2014) Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set. *Perspectives on Politics*, vol. 12, no 2, pp. 313–331.
- Gel'man V. (2014) The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia. *Demokratizatsiya*, vol. 22, no 4, pp. 503–522.
- Gerschewski J. (2013) The Three Pillars of Stability: Legitimation, Repression, and Co-optation in Autocratic Regimes. *Democratization*, vol. 20, no 1, pp. 13–38.
- Giersdorf S., Croissant A. (2011) Civil Society and Competitive Authoritarianism in Malaysia. *Journal of Civil Society*, vol. 7, no 1, pp. 1–21.
- Gilbert L. (2016) Crowding out Civil Society: State Management of Social Organisations in Putin's Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 9, pp. 1553–1578.
- Golosov G. (2008) Elektoral'nyj avtoritarizm v Rossii [Electoral Authoritarianism in Russia]. *Pro et Contra*, no 12(1), pp. 22–35.
- Guba K. (2013) Kak ustroeny zhurnal'nye redaktsii: otbor rukopisej v amerikanskoj sotsiologii [How Journal Editorials Work: Selection of Manuscripts in American Sociology]. *Laboratorium*, no 3, pp. 66–89.
- Guriev S., Treisman D. (2019) Informational Autocrats. *Journal of Economic Perspectives*, vol. 33, no 4, pp. 100–127.
- Heydemann S., Leenders R. (eds.) (2013) *Middle East Authoritarianisms: Governance, Contestation, and Regime Resilience in Syria and Iran*, Stanford University Press.
- Hsu C. (2010) Beyond Civil Society: An Organizational Perspective on State–NGO Relations in the People's Republic of China. *Journal of Civil Society*, vol. 6, no 3, pp. 259–277.
- Huang V.G. (2018) Floating Control: Examining Factors Affecting the Management of the Civil Society Sector in Authoritarian China. *Social Movement Studies*, vol. 17, no 4, pp. 1–15.
- Kak proiskhodit ekspertiza [How the Evaluation Is Going] (2018). *Foundation for the Presidential Grants*. Available at: 80afcdbalict6afooklqi5o.xn--p1ai/public/home/expertise, accessed 21.04.2020.
- Karandashova S. (2018) Rossijskie osobennosti elektoral'nogo avtoritarizma: novye praktiki obespecheniya pobedy inkumbentov na gubernatorskix vyborax [Russian Features of Electoral Authoritarianism: New Practices for Ensuring the Victory of Incumbents in Gubernatorial Elections]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no 1, pp. 51–67.
- Kawakibi S. (2013) The Paradox of Government-organized Civil Activism in Syria. *Civil Society in Syria and Iran: Activism in Authoritarian Contexts* (eds. Aarts P., Cavatorta F.), Boulder, CO: Lynne Rienner, pp. 169–187.
- Keane J. (1988) *Civil Society and the State: New European Perspectives*, Verso Books.
- Koval' A.S., Ivogla A.M., Il'inykh I.I. (2014) Issledovanie informatsionnoj otkrytosti sistemy raspredeleniya gosudarstvennoj podderzhki NKO: 2011–2012 [A Study of the Information Openness of the State Support Distribution System for NGOs: 2011–2012]. *Transperensy International-Russia*. Available at: http://nko67.ru/files/291/ngo_analysys_2014.pdf, accessed 21.04.2020.
- Lewis D. (2013) Civil Society and the Authoritarian State: Cooperation, Contestation and Discourse. *Journal of Civil Society*, vol. 9, no 3, pp. 325–340.
- Lorch J., Bunk B. (2017) Using Civil Society as an Authoritarian Legitimation Strategy: Algeria and Mozambique in Comparative Perspective. *Democratization*, vol. 24, no 6, pp. 987–1005.

- Lust-Okar E. (2016) Vybory v avtoritarnykh rezhimakh: uroki Iordanii [Elections in Authoritarian Regimes: the Lessons of Jordan]. *Patron-klientskie otnosheniya v istorii i sovremennosti: khrestomatiya* [Patron-client Relations in History and Modernity: Reader] (ed. Gilev A.V.), Moscow: ROSSPEN, pp. 280–305.
- Magaloni B. (2006) *Voting for Autocracy: Hegemonic Party Survival and Its Demise in Mexico*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Merton R. (1993) Effekt Matfeya v nauke, II: Nakoplenie preimushhestv i simvolizm intellektual'noj sobstvennosti [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property]. *THESIS*, no 3, pp. 256–276.
- Meyer D., Rowan B. (2011) Institutstionalizirovannye organizatsii: formal'naya struktura kak mif i tseremonial [Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 12, no 1, pp. 43–67.
- Najam A. (2000) The Four C's of Government Third Sector-Government Relations. *Nonprofit Management and Leadership*, vol. 10, no 4, pp. 375–396.
- Polity IV Annual Time-Series, 1800–2018 (2018). *The Center for Systemic Peace*. Available at: <http://www.systemicpeace.org/inscr/p4v2018.xls>, accessed 21.04.2020.
- Prezidentskie granty NKO: Pooshchrenie loyal'nosti vmesto razvitiya grazhdanskogo obshchestva [Presidential Grants to NGOs: Promoting Loyalty instead of Developing Civil Society] (2016). *Center for Economic and Political Reforms*. Available at: http://cepr.ru/wp-content/uploads/2015/12/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B7%D0%B8%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%BD%D1%82%D1%8B-%D0%9D%D0%9A%D0%9E_%D0%9F%D0%BE%D0%BE%D1%89%D1%80%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%B B%D0%BE%D1%8F%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%B8-%D0%B2%D0%BC%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BE-%D1%80%D0%B0%D0%B7%D0%B2%D0%B8%D1%82%D0%B8%D1%8F-%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B0%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B3%D0%BE-%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%B0.pdf, accessed 21.04.2020.
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1994) *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy*, Princeton University press.
- Reuter O.J., Robertson G.B. (2015) Legislatures, Cooptation, and Social Protest in Contemporary Authoritarian Regimes. *The Journal of Politics*, vol. 77, no 1, pp. 235–248.
- Richter J., Hatch W.F. (2013) Organizing Civil Society in Russia and China: A Comparative Approach. *International Journal of Politics, Culture, and Society*, vol. 26, no 4, pp. 323–347.
- Robertson G.B. (2010) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-communist Russia*, Cambridge University Press.
- Ross K. (2008) Munitsipal'nye vybory i elektoral'nyj avtoritarizm v Rossii [Municipal Elections and Electoral Authoritarianism in Russia]. *Politicheskaya nauka*, no 3, pp. 111–128.
- Schedler A. (2002) Elections without Democracy: The Menu of Manipulation. *Journal of Democracy*, vol. 13, no 2, pp. 36–50.
- Schedler A. (2013) *The Politics of Uncertainty: Sustaining and Subverting Electoral Authoritarianism*, Oxford: Oxford University Press.
- Semenov A.V., Bederson V.D. (2017) Organizatsionnye reaktsii rossijskikh NKO na zakonodatel'nye izmeneniya 2012 g. [Organizational Reactions of Russian NGOs to Legislative Changes in 2012]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*, vol. 18, no 2, pp. 11–41.
- Skokova Y., Pape U., Krasnopolskaya I. (2018) The Non-profit Sector in Today's Russia: Between Confrontation and Co-optation. *Europe-Asia Studies*, vol. 70, no 4, pp. 1–33.
- Sulimov K. (2018) Sistemy konsul'tativno-soveshchatel'nykh organov v sovremennoj Rossii kak institutsional'nye usloviya so-upravleniya: mezhdru unifikatsiej i raznoobraziem [The Systems of Consultative and Advisory Bodies in Contemporary Russia as Institutional Conditions for Co-management: Between Unification and Diversity]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya*, no 1, pp. 5–23.
- Tarascenko A., Kulmala M. (2015) *Veteranskie organizatsii kak zainteresovannye grupy: vozmozhnosti i ogranicheniya klientelizma dlya zashchity sotsial'nykh prav v regionakh Rossii* [Veteran Organizations as Interest Groups: the Possibilities and Limitations

- of Clientelism for the Protection of Social Rights in Russian regions]. Preprint M-42/15, Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge. Available at: https://eu.spb.ru/images/M_center/Tarassenko_Kulmala_working_paper_2015.pdf, accessed 21.04.2020.
- Trubnikova E.I. (2017) Asimetriya informatsii i tendentsii rynka nauchnykh publikatsij [Information Asymmetry and Market Trends for Scientific Publications]. *Higher Education in Russia*, no 3(210), pp. 26–36.
- Vandyshva E.A. (2014) Strategii NKO v svyazi s vvedeniem statusa «inostrannogo agenta» [Strategies of NGOs in Connection with the Introduction of the Status of “Foreign Agent”]. *Publichnaya politika*, no 2, pp. 76–86.
- Verevkin A.I. (2011) Elektoral'nyj protsess v sovremennoj Rossii: neopredelennost' vs «upravlyaemost'» [The Electoral Process in Modern Russia: Uncertainty vs “Controllability”]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya*, no 4, pp. 113–117.
- Vinokurov A. (2013) Kto raspredelyaet i poluchaet prezidentskie granty? [Who Distributes and Who Receives Presidential Grants?]. *Polit.ru*, February 1, 2013. Available at: <http://polit.ru/article/2013/02/01/grants/>, accessed 21.04.2020.
- Wahman M., Teorell J., Hadenius A. (2013) Authoritarian Regime Types Revisited: Updated Data in Comparative Perspective. *Contemporary Politics*, vol. 19, no 1, pp. 19–34.
- White S., McAllister I. (2014) Did Russia (Nearly) Have a Facebook Revolution in 2011? Social Media's Challenge to Authoritarianism. *Politics*, vol. 34, no 1, pp. 72–84.
- Wischermann J., Bunk B., Köllner P., Lorch J. (2018) Do Associations Support Authoritarian Rule? Evidence from Algeria, Mozambique, and Vietnam. *Journal of Civil Society*, vol. 14, no 2, pp. 1–21.